

Суверенная экономическая политика России и структурная динамика хозяйства

Олег С. Сухарев

Институт экономики РАН, Москва, Россия
o_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703

Аннотация. Начиная с 2022 г. в России наблюдается общий курс на суверенизацию макроэкономической политики, то есть обеспечение ее независимости от внешних аналитических центров, консультаций, рецептов и инструментов. Вместе с тем проводимая монетарная и отчасти финансовая политика продолжают находиться в узких стереотипных рамках монетаристского «мэйнстрима», который ради подавления инфляции не считается с содержательной основой функционирования хозяйства.

Цель исследования – определить содержание суверенной экономической политики и ее основных императивов, показав характер структурной динамики российского хозяйства, на котором сказываются реализуемые основные установки макроэкономической политики и методы ее проведения.

Методология исследования представлена теорией экономической политики в рамках классической доктрины «цели – инструменты», а также авторского принципа «распределенного управления» и теории структурной динамики.

Общий результат сводится к обоснованию того, что структурные изменения российского хозяйства в период 2022–2024 гг. не изменили базовых секторальных пропорций. Более того, не претерпела сильных изменений и сложившаяся структурная модель динамики ВВП с доминированием валового потребления и весьма скромным вкладом инвестиционных расходов (валового накопления, включая валовое накопление основного капитала), которые наилучшим образом определили динамику ВВП 2023 г.

Хотя экономическая политика в целом обрела большую степень суверенности, отступая от неоклассических рецептов макроэкономической стабилизации, отраслевые формы регулирования приобрели больший размах, усилилось институциональное вмешательство. В то же время монетарная политика по-прежнему остается в русле неолиберальных подходов. Она работала на явное сдерживание экономического роста, сохраняя императивы, которые не могут считаться атрибутами суверенной политики.

Ключевые слова: суверенитет экономической политики, структура экономики, секторы, компоненты ВВП, инструменты макроэкономической политики

Для цитирования: Сухарев О.С. Суверенная экономическая политика России и структурная динамика хозяйства // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 3. С. 52–74. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-52-74

Sovereign economic policy of Russia and structural dynamics of the economy

Oleg S. Sukharev

*Russian Academy of Sciences Institute of Economics, Moscow, Russia
o_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703*

Abstract. Since 2022, Russia has been observing a general course towards sovereignization of macroeconomic policy, that is, ensuring its independence from external analytical centers, consultations, recipes and instruments. At the same time, the monetary and partly financial policy continues to be within the narrow stereotypical framework of the monetarist “mainstream”, which, for the sake of suppressing inflation, does not take into account the substantive basis for the functioning of the economy. The purpose of the study is to determine the content of sovereign economic policy and its main imperatives, showing the nature of the structural dynamics of the Russian economy, which is affected by the implemented basic guidelines of macroeconomic policy and the methods of its implementation. The methodology of the study is presented by the theory of economic policy within the framework of the classical doctrine of “goals – tools”, as well as the author’s principle of “distributed control” and the theory of structural dynamics. The overall result boils down to substantiating the fact that structural changes in the Russian economy in the period 2022–2024 did not change the basic sectoral proportions. Moreover, the existing structural model of GDP dynamics has not undergone major changes with the dominance of gross consumption and a very modest contribution of investment expenditures (gross accumulation, including gross accumulation of fixed capital), which best determined the dynamics of GDP in 2023. Although economic policy has acquired greater sovereignty, moving away from neoclassical recipes for macroeconomic stabilization, since sectoral forms of policy have acquired greater scope, institutional regulation has strengthened, monetary policy, for example, continued to be in the perspective of neoliberal approaches. It worked to clearly restrain economic growth, preserving imperatives that cannot be considered attributes of sovereign policy.

Keywords: sovereignty of economic policy, economy structure, sectors, components of GDP, instruments of macroeconomic policy

For citation: Sukharev, O.S. (2025), “Sovereign economic policy of Russia and structural dynamics of the economy”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 3, pp. 52–74, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-52-74

Введение

Длительное время монетарная политика в России угнетает экономический рост и развитие [Глазьев 2022]. И предложения по ее существенному изменению по большому счету не принимаются, даже если приводятся в пример наиболее успешные и убедительные исходы развития, подобно китайскому чуду [Глазьев 2023]. Причем несмотря на то, что еще на рубеже 2000 годов представители Академии наук России (в тот период отделения экономики) сформировали общие требования и контур «экономики развития» для России – на базе отечественного опыта, провалов реформирования предыдущих лет и перспективных ориентиров для страны в области научно-технологического прогресса [Львов 2002].

Однако сохранение неолиберальных императивов не только монетарной, но и общей макроэкономической политики выступает, с одной стороны, подтверждением того, что данные императивы сильны и действуют, с другой стороны, что сохраняют их не только в силу ментальной ангажированности и неумения пересмотреть изжившие догмы, но и по причине соответствующих выгод. Еще в работах Д.С. Львова были заложены основные позиции «социальной экономики» для России, но и представители капиталистической экономической мысли в лице Стиглица Дж. увидели крупные изъяны современного капитализма, предложив лечить их так называемым прогрессивным капитализмом [Стиглиц 2020]. Причем «прогрессивный капитализм» видится именно в повышении уровня социализации экономики. В частности, постулируется, что «экономика предложения» в монетаристском духе – давно банкрот. Хотя в России даже сегодня отдельные аналитики навязывают именно «рейганомнику» для преодоления грядущей (предсказываемой ими) стагфляции [Сухарев 2025], что, конечно, выглядит абсурдно даже в свете работы Стиглица Дж. Кроме того, подчеркивается, что как экономический, так и политический выбор все чаще определяется деньгами и утрачивает объективность: нарушается механизм отбора решений, наилучших для общества. В результате ценности капитализма трещат по швам. Вот как отмечает проблему Стиглиц:

Мы привыкли полагаться на правительство в вопросах социальной защиты – социального обеспечения, страхования на случай безработицы, медицинского обслуживания престарелых. Правительство было создано потому, что все это нужно людям. Рынок не мог обеспечить этого, и правительство заполнило пробел [Стиглиц 2020, с. 295].

Обратим внимание, что рассуждения в границах «правительство – рынок» давно изжили себя, потому что в стилистике противопоставления столь разные субъекты не могут рассматриваться по логике вещей по определению. Это явно надуманное рассмотрение, что и подтверждает лексика данного высказывания – оно алогичное, поскольку рынок и не располагает функций такого обеспечения, а многие блага в хозяйственной системе не являются (не могут и не должны быть по физической природе) предметом торга. Итогом рассуждений крупного экономиста становится график, демонстрирующий растущий за последние 60 лет разрыв по среднему доходу до уплаты налогов между 1% самых богатых и 90% остального населения. При этом игнорируется проблема площадок «социальной стагнации»¹, когда для целых мировых регионов увеличение численности населения сопровождается отсутствием роста реального среднедушевого дохода, либо даже его понижением (для стран суб-сахарской Африки). Конечно, социальная проблема – это распределение созданного, но социальная проблема – это элементарная возможность обеспечить жизнь и наращивание дохода. Без рассмотрения корня проблемы сразу перескочить на задачу распределения означает с большой вероятностью отсутствие точного решения.

Дж. Стиглиц в указанной работе, по существу, предлагает систему «прогрессивного капитализма», сводя прогресс к интенсификации социализации капитализма. В частности, предлагается активная промышленная политика, регулирование рынка труда, особенно в части заработной платы, расширение мер социальной защиты и страхования от безработицы, ввод прогрессивной налоговой системы и доктрины «базового дохода», развитие социальных секторов – науки, образования медицины, расширение доступа в эти сферы, а также снижение монопольной и монополистической власти на рынках и борьба с бедностью и неравенством [Стиглиц 2020].

В общем-то, этот «социальный набор» давно известен и является косметической системой мер в рамках отсутствия кардинальных системных изменения капиталистических институтов с целью их сохранения под видом придания прогрессивности, без поиска ответа на главный вопрос: а возможно ли позитивное влияние указанных мер, которые в той или иной степени используются сегодня – и как видно, не привели к желаемым ре-

¹ Подробнее см.: *Сухарев О.С. Экономика глобального эксцесса. М.: Ленанд, 2016.*

зультатам, а только обострили проблемы мирового социального развития? Многочисленные работы по индустриализации также подтверждают эту позицию [Andreoni, Chang 2019; Vaidyaa et al. 2018; Romano, Traù 2017], хотя социальный аспект включается в рассмотрение, особенно при изучении модели индустрии 4.0 или 5.0, но без глубокого анализа структурных проблем и коренного содержания социального вопроса [Сухарев 2023; Gabardo et al. 2017]. Структуру экономики плохо включает в анализ современная экономическая теория – и можно добавить и социальные аспекты развития и конкретно – суверенной экономической политики. Меры и инструменты в подавляющем большинстве случаев рассматриваются в теории экономической политики безотносительно того, откуда они взяты и как обоснованы – им придается «ореол объективации», который на самом деле, в случае заимствования, может полностью отсутствовать. Советский опыт индустриализации как ключевой реформы и основы экономической политики ставил во главу угла исключительно социальные цели: без развитой индустрии решение задач в сфере образования и здравоохранения представлялось невозможным. [Эрлих 2010]. Прогресс в этих областях деятельности был скачкообразным (включая науку), какие бы аналитические интерпретации ни давались некоторыми исследователями по поводу отставания потребительского сектора в развитии от сектора средств производства в СССР. В советской стране даже мысли не возникло о том, что политика может быть несуверенной, вплоть до горбачевской перестройки и «демонтажно-шоковых» реформ Ельцина-Гайдара.

Отметим, что и в США сегодня аспект суверенной социально-экономической политики при этом не рассматривается, так как априорно для США она является таковой, что не означает равнозначного переноса на другие (малые и слабо развитые) страны, находящиеся в явно зависимом положении.

В отличие от Дж. Стиглица 2020 года, социальная доктрина Д.С. Львова в виде «социальной экономики» [Львов 2002] для России предполагала следующие позиции:

- отказ от модели «вашингтонского консенсуса» и диктовок МВФ по валютной и монетарной политике, как и по иным направлениям внутренней экономической политики, то есть, обеспечение суверенитета;
- снятие базового капиталистического противоречия (такой вопрос даже не ставит Дж. Стиглиц, не упоминает его нигде) между социальным миром человека и неравенством исходных и изменяющихся условий жизни;

- предыдущее противоречие базируется на фундаментальном конфликте между общественной формой труда и частно-капиталистической формой присвоения, который формируется исключительно системой базовых капиталистических институтов (правил);
- формирование системы национального имущества с реализацией права на рентный дивиденд (обеспечение конституционного равноправия видов собственности) всех членов общества вне зависимости от исходного их благосостояния, с общей направленностью на понижение неравенства и резкое сокращение бедности [Сухарев 2023];
- рентная система налогов, позволяющая обеспечить социальную норму функционирования;
- политика развития социальных секторов, повышения ресурсной и экологической эффективности, крупных инфраструктурных проектов, обеспечивающих занятость;
- политика повышения заработной платы и производительности труда, без жесткой монетарной привязки к тому, что производительность должна расти, чтобы обязательно росла заработная плата, в ряде случаев (и это подтверждают теоретические работы автора) повышение заработной платы выступает фактором роста производительности, а также работает на повышение квалификации труда и его отбор².

В последние три года в России росли зарплаты и занятость, но производительность труда почти не менялась. Это говорит о том, что экономика все еще опирается на трудоинтенсивные технологии – вместо того чтобы расширять использование капиталоемких технологий. Хотя и они требуют высококвалифицированного труда, ставка делается не на него. Кроме того, высокая занятость при имеющихся еще мощностях подтверждает дисбаланс, сложившийся и ставший хронической проблемой (не только за последние три года) для российского хозяйства, причем,

¹ На основе анализа заработной платы в секторах производства средств и предметов потребления автор показывает: существует зона, в которой заработная плата может расти без обязательного увеличения производительности труда – при условии, что одновременно увеличивается и выпуск продукции. Зарплата может расти несколько быстрее, тем самым стимулируя последующий рост производительности, который позже станет обгонять рост заработной платы. Такой эффект напоминает теорию двух факторов мотивации Ф. Герцберга в менеджменте, когда оплата труда выступает фактором увеличения производительности (мотивации), а не наоборот. Об этом часто забывают плановики макроэкономической политики, особенно в России.

в основном, структурной проблемой, порожденной деградацией структуры обработки, деиндустриализацией, технологическим отставанием [Сухарев 2023]. Во многом причиной такого исхода стала экономическая политика, ориентировавшаяся по ряду своих инструментов на внешние рецепты, ориентиры или фетиши. Отчасти ошибки в реализации экономической политики допускались внутри страны, при том что сама эта политика оставалась несuverенной не только по внешнему контуру, но и по своей идеологической сути – по базовым установкам и институтам. Истоки многих неэффективных результатов кроются в принимаемых внутри страны решениях, даже независимо от какой-либо внешней диктовки – консультаций или аналитики³.

Обобщая, целью настоящего исследования выступает выяснение того, в каком виде происходит потеря суверенитета в области мер экономической политики, что сделать для его повышения и какую роль играет в этом сама экономика – изменение ее структуры. В качестве методологии применяются общие подходы в теории экономической политики и авторский принцип «распределенного управления».

Для достижения цели решим две задачи. Во-первых, дадим представление о суверенной экономической политике. Во-вторых, оценим структурную динамику российского хозяйства, отмечая, какие неточности возникают в ее анализе на крайне ограниченном интервале времени, формируя весьма узкую картину развития и якобы выясняя влияние мер (санкций, например) без оценки силы и распределенного влияния этих инструментов на цели развития и элементы экономической структуры [Сухарев 2021]. Последовательно остановимся на этих моментах, поводя итоги анализа в заключении.

³ Например, процедура отбора в РАН в России никак не связана с иностранными традициями, подчиняясь общей схеме «лучше меньше, да хуже» (перефразируя название одной из работ В.И. Ленина), т. е. когда поощряется меньший результат и худшего качества. Не проходят исследователи с десятками монографий и сотнями работ по экономике, а проходят с одной монографией за много десятков лет карьеры. После 27 докладов по 9 минут, за час принимается решение, кого рекомендовать – и рекомендуют именно такую персону (обычно по должности). По-настоящему значимые исследователи десятилетиями остаются без признания и должного увековечения их вклада. В результате формируется глубоко ошибочный как кадровый, так и ментальный вектор развития экономической науки в России. Явно акцентируются аспекты, слабо подкрепленные отечественной школой, что вызывает множество обоснованных претензий, при этом на их фоне необоснованно возвышаются результаты иностранных научных направлений.

Суверенная экономическая политика – что это такое?

Суверенитет следует понимать в классическом понимании слова – как господство, верховенство в чем-либо, которое обеспечивает независимость. Отсутствие суверенитета означает, что нет господства и независимости, то есть существует некоторая глубина зависимости. И она может быть разная, потому что по технике, технологиям – это внешняя зависимость, по финансам – также от зарубежных финансовых центров или банков, в виде зависимого функционирования валютного и финансового рынка, крупной величины внешнего государственного долга. Но может присутствовать и внутренняя зависимость – от внутренней части государственного долга, от нагромождения неверных решений, не работающих либо низкоэффективных. В экономике создаются и правила, наслоения которых также порождают различные эффекты, связанные с расстройством функций и неисполнением норм и законов. Эти решения могут приниматься на базе идеологических установок, которые подсунуты извне обществу и аналитическому сообществу либо органам государственного управления. Иногда они сами входят в режим нарочитого копирования и заимствования, ошибочно полагая, что если это работает вне страны, то обязательно будет эффективным и внутри данной страны. У такого вывода, как и перенесения, нет никаких строгих научных и методологических оснований, а утверждение, что их, вероятно, и не может быть, так как отсутствует добротная теория таких заимствований – тоже не выдерживает критики. Отсутствие теории не означает справедливости и адекватности переноса (с изменениями) либо копирования.

Таким образом, вопрос суверенитета как независимости касается различных сфер человеческой деятельности – финансов, техники, технологий, развития конкретных отраслей (импортная зависимость), т. е. их организации и функционирования. Но он касается и принятия решений – и здесь возможны, как минимум, две формы независимости (суверенитета).

Первая форма – когда правительственные структуры принимают государственные решения на любом уровне (от правительства до муниципалитета) без внешних (иностраных) консультантов, экспертов, аналитиков, программ, то есть самостоятельно ориентируясь на отечественные аналитические силы и программные возможности, используемые для выработки решения. При этом в основе решения может быть заложена некая доктрина или теория, которая создана наукой вне данной страны.

В силу каких-то причин она стала популярной у аналитиков. Это и есть идеологическое давление в области экономики решений, поскольку данная доктрина или теория могут быть не пригодны для данной страны. Но это обстоятельство аккуратно опускается из виду. Вторая форма независимости проявляется тогда, когда лица, принимающие решения и формирующие меры политики, опираются исключительно на научно подтвержденные факты и доводы, используют соответствующую теорию, прошедшую отечественную апробацию и давшую результаты, и при этом действуют в логике первой формы, изложенной выше.

Первую форму можно назвать субъектным суверенитетом (либо частичным или формальным), вторую форму – полным (или субъектно-идеологическим суверенитетом). Конечно, вторая форма суверенитета наиболее пригодна для развития России, потому что первая форма в своем применении может обесценить факт самостоятельного принятия решений, когда они заданы внешней доктриной или «фетишными» установками, подобно «вашингтонскому консенсусу». По сути, эта форма суверенитета означает его реальное отсутствие.

Длительное время в России проводилась именно такая экономическая политика. Цель ее в создании режима «зависимого развития», материально и нематериально выгодного внешним бенефициарам. «Вашингтонский консенсус» сосредотачивает ряд принципов, которые подчинены возврату долга со стороны стран-должников, для чего открыто предусматривается вмешательство в формирование социально-экономической (бюджетной, монетарной отраслевой, социально-демографической) политики в виде рекомендуемых принципов и критериев ее проведения. Тем самым, сам набор положений «вашингтонского консенсуса» означает попрание принципа суверенитета экономической политики. Это относится к первой форме, к идеологической детерминации истеблишмента в области экономики и аналитики.

Попытка создания «московского консенсуса» принадлежит Д.С. Львову, проф. А.С. Нешитому и автору настоящей статьи⁴.

⁴ На заседании Вольного экономического общества (круглый стол по экономическому росту вел академик Л.И. Абалкин) выступал академик Дмитрий Семёнович Львов. Это происходило 19 октября 2005 г. В конце своей речи он высказал мысль, что хорошо бы сформулировать принципы «московского консенсуса». Автор вместе с проф. А.С. Нешитым подошли к Дмитрию Семёновичу и вызвались сделать записку по этому вопросу. Она была подготовлена, но вскоре Дмитрий Семёнович заболел и в начале июля 2007 г. его не стало. Автору и проф. А.С. Нешитому удалось «тезисно» опубликовать эти положения, которые были

Она привела к формулировке ряда полезных принципов и идей, но дальше этого процесс обсуждения и даже публикаций – не пошел. А вот работы по так называемому «пекинскому консенсусу» уже существуют – как по альтернативной и суверенной форме (или модели) социально-экономического государства. Если идея «московского консенсуса» в то время рассматривалась нами как альтернатива главенствующему даже в России в начале 2000-х гг. «вашингтонскому консенсусу»⁵, то «пекинский консенсус» – это абсолютно самостоятельный набор методов и решений государственной политики развития, который за тридцать лет изменений вывел Китай в лидеры мирового экономического и научно-технологического прогресса [Глазьев, 2023]. Его задача – создать самостоятельный контур развития, открывающий (генерирующий) источники роста на базе науки и новых технологий за счет эффективных инноваций, обеспечивая системность развития и высокие социальные стандарты жизни, исходя из собственных представлений о них, на базе традиций китайского народа и социалистической идеологии, детерминирующей и саму экономическую политику. Мировая экономика – сильно конкурентная система, причем это касается и политических решений, а не только торговли и т. д. Поэтому режимы зависимого развития выгодны многим государствам, так как они приводят к ослаблению и контролю конкретной страны, выводя из поля сильно конкурирующих решений. По этой причине «пекинский консенсус» рассматривается как альтернатива только

построены на недолговом принципе развития, без обращений к западным кредиторам, с активизацией социальной политики обеспечения большего равенства по доходу и функционалу жизни с сокращением бедности и расширением доступа к социальным благам на базе доктрины «социального дивиденда», вложений в индустрию и внедрения львовской идеи «национального имущества» (с получением рентного дохода в бюджет). Насколько известно автору, более глубокой работы по этому вопросу не велось и после смерти академика Д.С. Львова она прекратилась, хотя удалось издать монографию «Теория эффективности экономики» (2009 г.), где целый раздел посвящен различным видам эффективности, включая социальную, экологическую и оценку эффективности инструментов экономической политики (где видна идея распределенного управления и модернизации принципа «цели – инструменты» Яна Тинбергена).

⁵ Его влияние было сильно вплоть до последнего времени, несмотря на то, что Россия освободилась от крупного внешнего долга, снизилась и внутренний государственный долг до вполне приемлемых значений, кстати, ограничивая, тем самым, собственное развитие – и не решив многих социальных проблем, за исключением некоторого понижения уровня бедности.

неангажированным пулом исследователей, а экономисты неоллиберальной и проамериканской позиции физиологически не могут дать равнозначной трактовки как подходам Китая в области его суверенной внутренней политики, так и его больших успехов в мировой системе.

В отличие от многочисленных западных разработок в области экономической теории и моделей роста, абсолютно слепых к хозяйственной структуре и ее динамике [Gabardo et al. 2017; Сухарев 2021], в Китае формируют народнохозяйственные пропорции плановым образом и для решения социальных задач развития, выправления структурных диспропорций внутри китайской экономики, видя и анализируя эти изменения. Это новая модель экономического развития, созданная еще в СССР, получившая обновленный формат в Китае, показавшая на практике успешность стратегии опережающего развития, реализуемой плановыми методами управления страной – на принципах защиты ее суверенитета во всех областях и всех формах. Кстати, часть рецептов была заимствована Китаем из СССР, о чем никто не стесняется вспоминать. Но это не привело к потере суверенитета внутренней экономической политики. Следовательно, на практике вполне возможна модель заимствования рецептов политики, организации элементов управления государством, но без потери суверенитета в области внутренней политики, то есть это явно первая форма суверенитета, которая обозначена как субъектная (частичная или формальная), но для которой термин «частичная» непригоден.

В России до сих пор сохраняется именно такая форма суверенитета экономической политики, но в этом случае термин «частичная» форма суверенитета как раз будет справедлив, поскольку по финансовому направлению, банковской системе и разработке монетарной политики идеологическая часть суверенитета по существу не просматривается.

Идейно решения детерминированы неоллиберальными установками монетаристской теории [Глазьев 2022; Сухарев 2023; Сухарев 2025], что формирует сдерживающий эффект в рамках политики роста и развития российской экономики, структурно деформирует хозяйство, в том числе благодаря политике таргетирования инфляции, не приводя к постановке плановых целей и их реализации в части народнохозяйственных пропорций, обеспечивающих рост и социальное развитие. Одновременно действуют клише о структурных изменениях российской экономики в 2022–2024 гг., снискавших много цитат, эпигонов, без проникновения в существо происходящих процессов и анализ реальных источников роста ВВП в 2023–2024 гг. В завершении статьи остановимся на этих моментах более подробно.

Структурная динамика российского хозяйства и проводимая экономическая политика

Поиск решения второй сформулированной задачи проведем по следующему алгоритму за период 2003 по 2024 год включительно.

Первое. Дадим структуру секторов экономики России, дающих в сумме по величине валовой добавленной стоимости ВВП (секторы: обработки, сырьевой и транзакционный⁶).

Второе. Дадим структуру ВВП России по компонентам (валовое потребление, инвестиционные расходы, государственное потребление и чистый экспорт⁷).

Третье. Оценим вклад каждого структурного элемента в динамику ВВП на рассматриваемом интервале времени.

Четвертое. Осуществим анализ структурных изменений, выделяя наиболее значимое влияние из указанных элементов структуры ВВП.

Пятое. Сформулируем задачи структурной динамики и формирования новой хозяйственной структуры в России, которые должны, на взгляд автора, войти в целеполагание современной суверенной экономической политики России, системно увязывая реализацию национальных проектов.

⁶ Состав секторов выделен следующим образом: ВДС сырьевого сектора – это сумма ВДС по видам деятельности: сельское, лесное хозяйство, охота; рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений.

ВДС обрабатывающего сектора – это сумма ВДС по видам деятельности: обрабатывающие производства; строительство.

ВДС транзакционного сектора – это сумма ВДС по видам деятельности: торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; транспортировка и хранение; деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; деятельность в области информации и связи; деятельность финансовая и страховая; деятельность по операциям с недвижимым имуществом; деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; образование; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; предоставление прочих видов услуг.

⁷ Источник: расчет автора по данным Росстата (рис. 2, 4). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

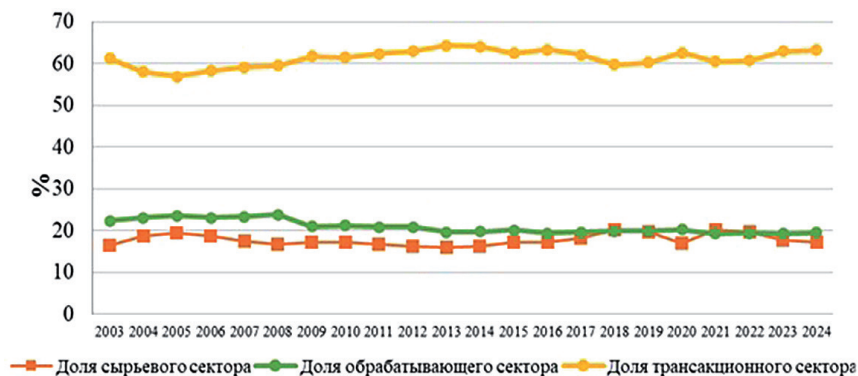

Рис. 1. Структура ВВП России по секторам, 2004–2024 гг., %

На рис. 1, 2 дается динамика структуры ВВП России по указанным выше секторам и компонента ВВП по расходам.

Анализ представленных расчетов позволяет прийти к следующим важным фактическим позициям.

Во-первых, в России сложилась хозяйственная структура с явным двукратным доминированием транзакционных видов деятельности (сервисная экономика), притом что обрабатывающий сектор, занимая чуть большую долю в ВВП, нежели сырьевой с 2003 по 2017 г., далее не имел явно выраженного преимущества перед сырьевым сектором (по доле создаваемой добавленной стоимости в ВВП страны) (см. рис. 1). С 2017 г. и далее структурная динамика была такой, что либо один сектор давал большую долю в ВВП России, либо другой. В 2023–2024 гг. доля сырьевого сектора просела, что обеспечило «структурный успех доминирования» обрабатывающему сектору. Однако явного преимущества по масштабу, который был в 2003–2017 гг., он уже не имел (рис. 1), что, видимо, вызвано вялотекущим процессом российской деиндустриализации и технологического отставания в тот период.

Во-вторых, по структуре расходов ВВП явно доминировало валовое потребление (рис. 2). Государственные расходы занимали второе место до 2006 г., затем до конца рассматриваемого периода устойчиво занимали третью позицию в структуре ВВП из четырех компонент. А второе место по доле в ВВП заняли инвестиционные расходы (включая валовое накопление основного капитала, которое длительно по доле существенно не возрастало).

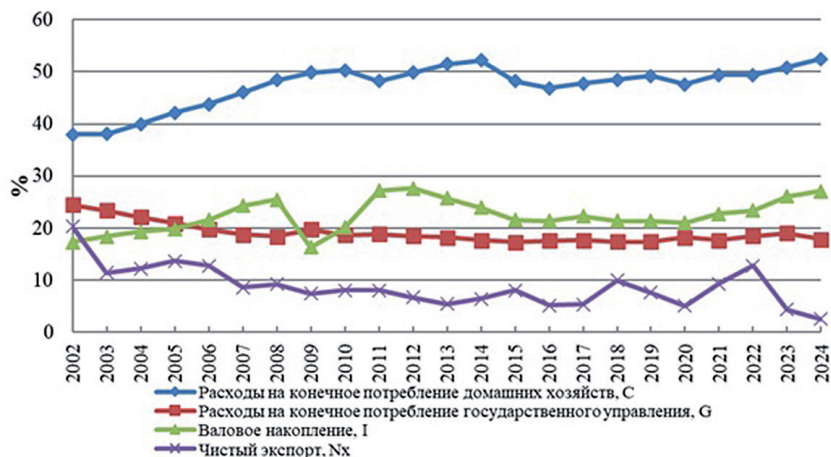

Рис. 2. Структура ВВП России по компонентам расходов, 2002–2024 гг., %

Более того, следует отметить весьма бросающийся в глаза период времени, а именно с 2015 по 2021 г., когда доля валового потребления была ниже 50% ВВП и ощутимо не росла. Доля инвестиционных расходов (валового накопления) понижалась в 2013–2017 гг., и затем еще в 2018–2020 гг., ощутимо увеличившись только в 2023–2024 гг. Если огрубить, то инвестиционный процесс сохранялся примерно на уровне 2005 г. по своему масштабу в ВВП. И более того, после 2012 г. этот масштаб был свернут за ряд лет и сохранялся вплоть до 2021 г. (см. рис. 2). Такая динамика не может быть случайной и не иметь отношения к проводимой экономической политике, которую, в свою очередь, невозможно назвать решающей задачи развития страны и по этой причине суверенной. Доля правительственных расходов стабилизировалась, доля чистого экспорта неуклонно понижалась, что явилось результатом увеличения импортной зависимости экономики на всем интервале времени 2003–2024 гг. Только 2018 и 2021–2022 гг. в этом смысле были относительно результативными (рис. 2).

Рис. 3, 4 отражают вклад каждого элемента соответствующих рассматриваемых структур ВВП в темп динамики валового продукта страны.

Получив представление об изменении масштаба различных элементов структуры ВВП, теперь важно оценить вклад каждого

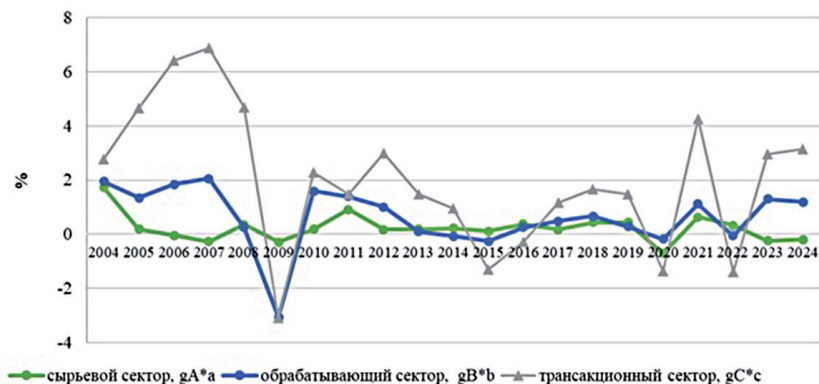

Рис. 3. Структурная динамика ВВП России (по секторам) 2004–2024 гг. (вклад в темп, %)

в общую динамику валового продукта на этом же интервале времени (см. рис. 3, 4). В ростовой динамике доминирует транзакционный сектор, проседая больше всего в годы рецессии 2015–2016, 2020 и 2022 гг. (рис. 3). Обработка по детерминации динамики ВВП конкурирует с сырьевым сектором за второе место, выходя на него с явным преимуществом в 2020, 2021 и 2023–2024 гг., давая близкий вклад в динамику, как в 2004–2007 и 2010–2011 гг. В эти годы происходила технологическая примитивизация обработки при весьма приличном росте этого сектора, что представляет собой своеобразный феномен, имеющий свои объяснения, связанные с приватизацией промышленности до 2008 года, увеличением импортной зависимости, созданием отверточных производств и т. д.⁸ В 2023 и 2024 гг. вклад обработки стал на вторую позицию с сильным отрывом от сырьевого сектора, что объяснимо проводимой отраслевой политикой – которая перешла от формата селективной поддержки к фронтальному поощрению целых видов обрабатывающей деятельности (отчасти их возрождению). Одновременно возникли и ограничения по труду и капиталу, который не удалось нарастить в указанный период снижения доли инвестиционных расходов – достаточно продолжительный (рис. 2).

⁸ Этот феномен автор в ряде давних своих работ обозначил как «рост убывающей промышленности». Причем отток кадров был значительным, как и деградация фондовой базы в период бурного роста начала 2000-х гг.

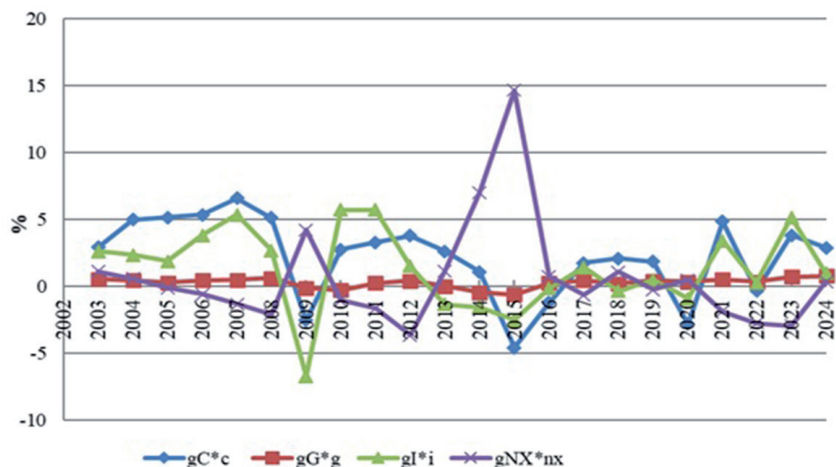

Рис. 4. Структурная динамика ВВП России (по компонентам расходов), 2003–2024 гг. (вклад в темп, %)

По компонентам расходов в ВВП (рис. 4), учитывая разный темп прироста компонент (вклад есть произведение этого темпа на долю компоненты), возникает смешанная картина вклада в темп роста ВВП разных компонент, при явном, конечно, доминировании валового потребления и накопления как главных компонент ВВП. Только в 2010–2011 гг. и в 2023 г. валовое накопление занимает первую позицию по вкладу в динамику ВВП России. Причем в 2023–2024 гг., как видно из рис. 4, активизируются и правительственные расходы, усиливая и мультипликационно подогревая такое влияние инвестиционных расходов. Но в 2024 г. опять возвращается прежняя модель структурной динамики – валовое потребление вносит основной вклад в нее. Этот результат не может не быть обусловлен сдерживающей макроэкономической политикой (монетарные рестриктивные меры), а также насыщением источников инвестирования и состоянием объектов, принимающих инвестиции. Без структурной модернизации, перемещения труда и капитала в секторальном разрезе далее рост будет затухать либо поддерживаться на весьма нестабильных источниках. Резко актуализируется задача постановки структурных целей развития и подбора политики их достижения с выходом из режима ментальной зависимости, в частности, в области монетарной политики [Глазьев 2022; Сухарев 2021].

Такая структурная политика в полной мере отвечает форме полного (абсолютного) суверенитета экономической политики⁹ и выдвигает требования по финансовому и технологическому суверенитету, а также суверенного развития науки и образования России (не на привносимых извне стандартах, нормах и правилах, под видом международной значимости дипломов, патентов, совместных стажировок и т. д.).

Представим императивы обеспечения финансового суверенитета и сформулируем задачи структурного развития России на макроэкономическом уровне (без отраслевой детализации, которая также важна при правильном планировании и согласовании национальных проектов – целей, ресурсов, задач методов реализации и пр.). К ним можно отнести: способность страны принимать финансовые решения по собственным и научно обоснованным принципам и критериям, самостоятельный контроль над своими финансовыми и денежными ресурсами без возможной потери их либо конфискации по чьему-либо желанию извне, наличие собственной платежной и расчетной системы (она появилась в России не так давно), но в некоторых моментах не является в чистом виде собственной, низкий уровень внешнего и внутреннего долга, внешнего кредитования, а также устойчивая динамика банковской системы и финансового рынка с контролем над внешними игроками на нем. Это минимальный набор позиций, который должен подчеркнуть суверенитет в области финансов.

Однако обратное состояние плюс к этому высокая процентная ставка и монетарное сдерживание роста, большой отток капитала (трансграничное перемещение капитала без ограничений), периодические девальвации, льготное поведение финансовых спекулянтов, включая внешних, монетарное бюджетное правило и др. являются атрибутами ограниченного финансового суверенитета. Следование системы образования внешним правилам или стандартам, а также сферы науки и управления, технологическое заимствование – также формируют состояние экономики, далекое от того, чтобы обеспечивать экономический суверенитет и суверенитет самой политики.

⁹ Совершенно не нужно в аналитическом плане делать далеко идущие выводы по одному или даже двум кварталам, особенно выделяя некие периоды развития в размерности 4–6 кварталов в 2022 и 2023 г., выделяя месяц на адаптацию (в ряде публикаций и отсылок это осуществлялось российскими аналитиками). Это столь же необоснованно, не строго, сколько и не отвечает практике принятия и реализации решений, не учитывает лаги времени и реакций субъектов в части адаптации и т. п.

Рис. 5. Инвестиции в финансовые и нефинансовые активы в России, 2000–2023 гг., в ценах 2005 г.¹⁰

Рис. 5 демонстрирует преобладание финансового сектора над реальным сектором экономики, что может рассматриваться как одна из причин и торможения роста, и возникающих проблем развития, сдерживающих в долгосрочном плане решение многих социальных проблем. Фактически сформировано хозяйство, структурная динамика которого обеспечивается соотношением рентабельностей (доходностей) базовых секторов и риском ведения в них деятельности. Высокодоходные секторы обнаруживает относительно невысокий риск (финансы, банки, сервис, сырье, недвижимость и т. д.), низкодоходные – относительно высокий риск (наука, медицина, высокие технологии, обработка), а в такой структуре ресурс перемещается от вторых к первым, включая финансы, инвестиции, людей и фондовую основу.

В итоге в первых видах деятельности заработная плата относительно выше, во вторых относительно ниже – и политика заработной платы не приведет ни к чему, если не влиять на корень сложившейся структуры и не обеспечить перемещение кадров в обратном направлении под синхронное повышение заработной платы. Это должно выражаться в сходящейся динамике рентабельностей и снижении риска ведения бизнеса в рискованных видах деятельности (с вероятным повышением относительно

¹⁰ Источник: рассчитано автором по данным Росстата: URL: https://www.gks.ru/investment_nonfinancial; <https://www.gks.ru/folder/14476>; [https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1\(2\).htm](https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1(2).htm)

иных видов – например финансовой спекуляции)¹¹. Этот процесс должен происходить с учетом и технологических изменений, что требует инвестиций в новые технологии и отвечающие им фонды. В этом и состоит главная структурная задача, в том числе решения социальных проблем развития. Хозяйственную структуру и динамику следует планировать, как и инструменты, обеспечивающие эту динамику (изменение) в нужном для страны направлении.

Заключение

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

Во-первых, независимость национальной политики развития предполагает соблюдение ряда неукоснительных условий:

- самостоятельность в принятии государственных решений и в применении инструментов политики по всему набору имеющихся методов регулирования хозяйства;
- поиск собственных ресурсов развития, низкую величину внешнего долга и кредитов;
- привлечение отечественных специалистов, не ориентирующихся на успехи других стран, либо к аналитической работе для обоснования мер текущей политики развития.

Реализация этих трех условий позволит вывести экономическую политику из «мягкого диктата», формируемого ангажированными теоретическими результатами или моделями, которые на самом деле являются неадекватными применительно к иным условиям и странам. Это прежде всего относится к «вашингтонскому консенсусу», а также неоклассическим моделям экономической политики, не учитывающим распределенного влияния инструментов по целям и по структурным элементам экономики.

Во-вторых, многочисленные работы, отмечающие структурные изменения в российском хозяйстве буквально по кварталам 2022 и 2023 г., крайне примитивно трактуют сами изменения структуры. Если оценить их по добавленной стоимости, создаваемой в секторах или видах деятельности, то эти изменения происходят перманентно – и чем более детально выделены элемен-

¹¹ Иные макроэкономические решения по своей логике будут противоречивыми и необоснованными. Если, ничего не изменяя, направлять инвестиции или финансы в какой-то сектор, то будут локально решаться лишь отдельные задачи, но градиента развития создано не будет.

ты структуры, тем очевиднее будут такие изменения. Однако за считанные кварталы не происходят значимые сдвиги в фондовой основе отраслей, даже занятость изменяется, скажем так, непринципиально. Колебания же добавленной стоимости видов деятельности зависят от изменений в рынках. При этом базисная структура секторов экономики и модель структурной динамики ВВП может не обнаруживать принципиальных изменений. И причиной этому является проводимая экономическая политика, в том числе те ее инструменты, которые обосновываются несuverенными принципами (слабо обоснованными и привнесенными в аналитическое поле рассуждений).

Особо отметим, что квартальные изменения в 2022 и 2023 гг. включали и ввод санкций, и пролонгацию действия тех санкций, что вводились еще с 2014 года, плюс ошибки текущей политики, либо те узкие места, которые всегда присутствовали в экономике – и обострили свое негативное влияние. Методологически некорректно выделять какие-то периоды на интервале, существенно меньшем двух лет¹², не принимая во внимание ни действий по ослаблению российской экономики, ни противодействия, которое осуществлялось в рамках проводимой политики. Кстати, отраслевая политика обладала и обладает сегодня более высоким

¹² Появляются многочисленные работы такого рода, весьма уязвимые в методологическом плане, обычно констатирующего вида, которые полезны в информативном смысле, но ничего не дают в плане глубокого анализа изменений и что важно – причин этих изменений, эффективности решений, выбора альтернатив и т. д. Однако они обычно имеют большое число ссылок в литературе. Это еще раз подчеркивает неоднозначность аналитической работы и ее восприятия в научных кругах. Важнее изменить парадигму принятия решений – повысить, тем самым, суверенитет экономической политики. В этой связи, справедливости ради, первый Устав (проект) МВФ предполагал установку, считающуюся с проводимой национальной политикой обеспечения роста и занятости, эффективного использования ресурсов. Но далее развитие этого международного института приводило к ликвидации национальной независимой экономической политики посредством вмешательства в ее формирование (под видом экспертной и консультативной деятельности). Напомню, что Дж.М. Кейнс отстаивал позицию национальной валютной независимости как условия самостоятельной политики обеспечения занятости. В первой статье Устава МВФ было отмечено:

...достижение и поддержание высокого уровня занятости и реальных доходов, а также развитие производственных ресурсов всех стран – главная цель экономической политики государства.

потенциалом суверенизации, нежели, скажем, политика монетарная, которая допустила вывод 300 млрд долл. валютных резервов страны под внешний контроль.

Таким образом, в России следует продолжать и усиливать суверенную макроэкономическую политику, включая и монетарную составляющую, обеспечивая финансовый и технологический суверенитет страны. Однако именно суверенная экономическая политика предполагает «идеологический суверенитет» на уровне разработки и обоснования инструментов реализуемой политики. Если ментально суверенитет отсутствует, и аналитики, эксперты копируют чужой опыт политики без его переосмысления и даже без адаптации рецептов к текущей ситуации в конкретной стране, – это приводит к явной зависимости и скромным либо непродолжительным положительным результатам, или же их полностью нейтрализует, генерируя отрицательный исход. Чтобы этого не происходило, независимой в политическом смысле стране требуется собственная аналитическая база, независимые органы статистического учета, которые бы сами формировали для своих оценок всю необходимую методическую (измерительную) основу.

Литература

- Глазьев 2022 – *Глазьев С.Ю.* Как денежно-кредитная политика угнетает экономический рост в России и Евразийском Экономическом Союзе // Российский экономический журнал. 2022. № 2. С. 4–20.
- Глазьев 2023 – *Глазьев С.Ю.* Китайское экономическое чудо: Уроки для России и мира. М.: Весь мир, 2023. 406 с.
- Львов 2002 – *Львов Д.С.* Экономика развития. М.: Экзамен, 2002. 512 с.
- Стиглиц 2020 – *Стиглиц Дж.* Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М.: Альпина Паблишер, 2020. 430 с.
- Сухарев 2023 – *Сухарев О.С.* Макроэкономическая политика: неравенство, бедность и рост. М.: Ленанд, 2023. 240 с.

Хельд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э. и Перратон Дж. в своей работе «Глобальные трансформации» (М.: Праксис, 2004. С. 233–234) отмечают указанное обстоятельство и добавляют, что в этом предполагалась гарантия неподчинения внутренних целей страны глобальному финансовому порядку, а приоритет их над ним. Вместе с тем, международные финансовые институты быстро «забыли» названную установку, подчинив ее возврату денег как заложено в логику модели «вашингтонского консенсуса».

- Сухарев 2025 – *Сухарев О.С.* Дж.М. Кейнс и М. Фридман: реанимация устаревших идей и ее вредное влияние на Россию (О научно-практической несостоятельности ортодоксальной теории и практики) // *Экономист*. 2025. № 1. С. 78–95.
- Сухарев 2021 – *Сухарев О.С.* Управление макроэкономическим развитием: структурный подход и обратные связи // *Наука и искусство управления. Вестник института экономики, управления и права РГГУ*. 2021. № 1. С. 10–28.
- Эрлих 2010 – *Эрлих А.* Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело АНХ. 2010. 248 с.
- Andreoni, Chang 2019 – *Andreoni A, Chang H-J.* The political economy of industrial policy: Structural interdependencies, policy alignment and conflict management // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2019. vol. 48. issue C. P. 136-150.
- Gabardo, Pereima, Einloft 2017 – *Gabardo F.A., Pereima J.B., Einloft P.* The incorporation of structural change into growth theory: A historical appraisal // *EconomiA*. Vol. 18. Issue 3. 2017. P. 392-410.
- Romano, Traù 2017 – *Romano L., Traù F.* The nature of industrial development and the speed of structural change // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2017. September. Vol. 42. P. 26–37.
- Vaidyaa et al. 2018 – *Vaidyaa S., Ambadb P., Bhosle S.* Industry 4.0 – A Glimpse. 2nd International Conference on Materials Manufacturing and Design Engineering. Procedia Manufacturing. 2018. Vol. 20. P. 233–238.

References

- Andreoni, A. and Chang, H-J. (2019), “The political economy of industrial policy: Structural interdependencies, policy alignment and conflict management”, *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 48, iss. C, pp. 136-150.
- Erllich, A. (2010), *Diskussii ob industrializatsii v SSSR. 1924–1928* [The Soviet industrialization debate. 1924–1928], Delo ANKh, Moscow, Russia.
- Gabardo, F.A., Pereima, J.B. and Einloft, P. (2017), “The incorporation of structural change into growth theory: A historical appraisal”, *EconomiA*, vol. 18, iss. 3, pp. 392-410.
- Glazeyev, S.Yu. (2022), How monetary policy depresses economic growth in Russia and the Eurasian Economic Union, *Russian Economic Journal*, no. 2, pp. 4-20.
- Glazeyev, S.Yu. (2023), *Kitaiskoe ekonomicheskoe chudo. Uroki dlya Rossii i mira* [Chinese economic miracle. Lessons for Russia and the world], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Lvov, D.S. (2002), *Ekonomika razvitiya* [Development Economics], Ekzamen, Moscow, Russia.
- Romano, L. and Traù, F. (2017), “The nature of industrial development and the speed of structural change”, *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 42, pp. 26-37.
- Stiglitz, J. (2020), *Lyudi, vlast' i pribyl'. Progressivnyi kapitalizm v ehpokhu massovogo nedovol'stva*. M.: Al'bina Publisher [People, Power and Profits. Progressive Capitalism for an age of Discontent], Alpina Publisher, Moscow, Russia.
- Sukharev, O.S. (2023), *Makroekonomicheskaya politika: bednost', neravenstvo i rosta* [Macroeconomic Policy. Poverty, Inequality and Growth], Lenand, Moscow, Russia.

- Sukharev, O.S. (2025), J.M. Keynes and M. Friedman. Resuscitation of obsolete ideas and its harmful impact on Russia (On the scientific and practical failure of orthodox theory and practice). *Economist*. no. 1. pp. 78-95.
- Sukharev, O.S. (2021), "Management of macroeconomic development: structural approach and feedback", *Science and art of management. Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*, no. 1, pp. 10-28.
- Vaidyaa, S., Ambadb, P. and Bhosle, S. (2018), "Industry 4.0 – A Glimpse", 2nd International Conference on Materials Manufacturing and Design Engineering, *Procedia Manufacturing*, vol. 20, pp. 233–238.

Информация об авторе

Олег С. Сухарев, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук, Россия, Москва; 117218, Москва, Нахимовский проспект, д. 32; o_sukharev@list.ru; ORCID: 0000-0002-3436-7703

Information about the author

Oleg S. Sukharev, Dr. of Sci. (Economics), professor, chief researcher, Russian Academy of Sciences Institute of Economics, Moscow, Russia; bld. 32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, Russia, 117218; o_sukharev@list.ru; ORCID: 0000-0002-3436-7703